

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

ДЕНЬ СУРКОВА

Александр Лебедев

День Суркова

«Издательские решения»

Лебедев А.

День Суркова / А. Лебедев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909848-1

Игорь Сурков — программист из далеких восьмидесятых, решает разбогатеть необычным образом. Для этого он придумывает сложную схему с «Национальной лотерей», потомками, временем и алкоголем. Но, бурно развитая деятельность оказывается под пристальным вниманием «Комитета», и наказание за такое преступление не просто срок, а вечность и не на Колыме, а в реальном Аду. Но что для советского программиста Ад? Это место где можно сделать карьеру, дослужиться до Рая и даже вернуться к грешной жизни.

ISBN 978-5-44-909848-1

© Лебедев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

День Суркова

Александр Лебедев

*Не важно, куда я попаду
после смерти, – Ад это будет
или Рай. И там, и там
у меня есть друзья.
Марк Твен*

Иллюстратор Татьяна Михаль

© Александр Лебедев, 2018

© Татьяна Михаль, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-9848-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Семеро крепких ребят дубасили оранжевыми касками о Васильевский спуск. Занятие это им давно наскучило, и они стучались в булыжник исключительно для приличия. Несмотря на это, проходивший мимо мужчина заинтересованно присел на корточки.

– Слышь, парень, – не выдержал самый молодой, – отвали, а?

– А вы, ребята, шахтеры? Я ничего не перепутал? – спросил мужчина, не замечая предыдущей реплики.

– Шахтеры. Отвали.

– «Отвали» – это что? Пароль такой? А я что должен ответить?

– Не кажется ли вам, господин хороший, – вставая, сказал старый шахтер, – что вы задаете слишком много вопросов?

– Я любопытный, – растянул мужчина.

– Зато мы не лезем в чужие дела.

– Меня это устраивает. И было бы очень хорошо, если бы среди вас нашлись профессионалы.

– Все здесь профессионалы.

– Политики? – не поверил мужчина.

– Шахтеры.

– Тогда самое время познакомиться. Меня зовут Савелий Отморозов, я – коммерсант.

Шахтеры недоуменно переглянулись.

– И что из этого?

– Есть работенка, но только, если у вас кишка не тонка.

– Какого рода?

– Под землей... Скажем, метрах на трехстах.

– Постоянная?

– Разовая.

– Не пойдет.

Отморозов достал из кармана розовый мелок и, как позволил булыжник, написал трехзначное число:

– Это за день работы... В долларах... И каждому...

Шахтеры заерзали, косились на старшего, но дружно молчали. Тот, который говорил с Отморозовым, напряженно думал. По его лицу блуждало сомнение, а на лбу вздулась синяя вена.

– Я понимаю, – нарушил молчание Отморозов, – сидеть здесь куда безопаснее. И, может быть, долги по заработной плате погасят. Может, кому-то ваш стук надоест...

– Мы не можем уйти, – сказал шахтер, – это наше решение.

Остальные закивали.

– Это хорошо, – похвалил Отморозов. – Хорошо, что вы работаете командой, и хорошо, что среди вас есть лидер. Но я вам вот что скажу: каждый должен заниматься своим делом. Шахтер должен спускаться в забой, а политику должны делать политики. И чтобы это не были только слова – попробую показать.

Он достал маленький телефон и, откинув табло, сказал несколько слов.

Минуту спустя возле пикета остановилась пара белых микроавтобусов с надписью «Мосфильм». Из них высыпала людская масса, представлявшая собой смесь униформы и телеаппаратуры. Очень скоро масса организовалась в две шеренги: шахтеров и журналистов. Они стояли лицом к лицу и ожидали команды Отморозова.

– Начинайте, – разрешил тот. – Прощу вас.

В руках журналистов запищали видео и фотокамеры, пара вспышек холодным светом легла на мостовую. Из шеренги шахтеров выступил усатый мужчина и внятно, хорошо поставленным дикторским голосом произнес:

– Мы, кузбасские шахтеры, находимся здесь, чтобы привлечь общественное внимание к проблеме неплатежей в нашей отрасли. Кредиторская задолженность по заработной плате и низкая платежеспособность разрезов привели к ситуации, когда отставка правительства и импичмент президенту не являются дальновидными. Решить нашу проблему можно и нужно, и мы знаем, как это сделать.

Усач потряс в воздухе файловым листочком и занялся выразительным чтением. Выглядел он весьма убедительно. Единственное, что резало глаз, его холеные руки, не знавшие физического труда. В остальном типаж был сбит грамотно и сочно. Среди присутствующих шахтеров он выглядел самым настоящим, и очень скоро к пикету потянулась струйка любопытных.

– Я Григорий, специалист первого класса, и за каждого из ребят поручусь.

– Очень хорошо, – улыбнулся Отморозов. – Пусть шоу продолжается, а мы с вами съездим и проведем небольшой экзамен.

Группа подлинных шахтеров уселась в белый микроавтобус и через два часа оказалась в загородной резиденции. Еще через час микроавтобус пересек лужайку и остановился возле неприметной девятиэтажки. Здание отвечало всем требованиям новостройки: строительный мусор, котлованы и рвы. Несколько рабочих спешно стеклились первый этаж.

Молодой шахтер потянул за рукав Григория и, округляя глаза, зацыкал, кивая в окно. Он что-то хотел сказать, но не собирался этого делать при сидевшем на переднем сидении Отморозове.

– Приехали, – объявил Савелий. – Проходите в дом. Тут что-то стряслось, я выясню и догоню.

Он спрыгнул на землю и торопливо пошел вперед. Ему навстречу выскочил худой парень и стал выразительно размахивать руками. Он несколько раз описал окружность, надул щеки и растопырил пальцы. После очередного повтора Отморозов бесцеремонно хлопнул его по голове и направился за шахтерами.

– Что ты там показывал? – вполголоса спросил Григорий.

– Ты видел эти канавы? Ты видел? – вопросом на вопрос ответил молодой.

– Ну и что?

– Да это не канавы вовсе.

– Что же? – спросил шахтер, но в следующую секунду его осенила неожиданная догадка. – Без паники, мужики, это еще ничего не значит. Поглядим, посмотрим.

Отморозов провел шахтеров в подвал, где деревянным полом и запахом березового веника развалилась обширная сауна.

– Вот что, ребята, – начал Отморозов, когда шахтеры уселись на широкие деревянные лавки. – Это сухая баня.

– Догадались уже.

– Тем лучше. Мое испытание не из сложных. Только понять его не пытайтесь. Кто выдержит – получит контракт, кто нет – до свидания.

– А делать-то что?

– Надо просидеть в парной полчаса. Кто не захочет, может уйти.

– Температура какая?

– Сто двадцать градусов.

– По Цельсию? – сострил один из шахтеров.

– И еще, – добавил Савелий, – будет немного страшно.

– Мы не из пугливых.

– Тем лучше для вас и для меня.

Отморозов ушел, но вскоре вернулся в сопровождении двухметрового верзилы, который держал в руках неожиданный для окружающих джентльменский набор из банной шапочки, перчаток и ящичка пива.

– А это зачем? – недоумевали шахтеры.

– Баня, она и есть баня. Законом не запрещено, а ежели желающих нет, можете и отказаться.

Желающие тут же нашлись. Они опасливо потягивали напиток, прислушивались к вкусу, но вскоре осмелели, и пиво быстро закончилось.

– Прошу, – сказал Отморозов, поднимаясь.

Он прошел в парную и занял место на нижней скамье. В отличие от него верзила поступил более благоразумно, избавившись от одежды и водрузив на голову шапочку. Понемногу парная заполнилась бледными спинами, выцветшими наколками и въевшейся в кожу угольной пылью.

– Сколько будет дважды два? – спросил Отморозов.

– Два. Два. Три. Пять, – разделились мнения.

– Двадцать один разделить на семь?

– Три. Три, – посыпались более вразумительные ответы.

На носу у Отморозова заблестела капля, и, смахнув ее рукавом, он поднялся:

– Продолжайте, мужики, время идет.

Отморозов вышел в предбанник и, оттянув узел галстука, уселся на лавку. Он хорошо слышал голос верзилы, продолжающий переключку таблицы Пифагора. Ему отвечали спокойно и уверенно. Но через десять минут вперемешку с простыми и натуральными числами посыпались упоминания о Матери, Черте и Боге. Парная наполнилась топотом. Кто-то изрыгал проклятия, кто-то просто кричал. Стоны, крики, топот слились в гул, и, распахнувшись, парная выплюнула голое тело молодого шахтера. Он жадно глотал воздух, перебирал деревянными ногами, но, казалось, был слеп. Лишь ударившись о противоположную стену, парень схватился за нее рукой, не удержался и повалился на деревянный пол.

– Будь ты проклят, – твердил молодой человек, безуспешно пытаясь подняться.

Он еще долго сучил ногами, но устав от собственного бессилия, по-детски заплакал.

9 лет тому назад

Маленькая женщина была одета в клетчатое пальто и потому сильно напоминала подростка. Она осторожно подошла и обратилась к сидевшим на скамейке парням:

– Позвольте, товарищи? – женщина жадно смотрела на бутылку в руках одного из них, намекая, что собирается сдать ее в ближайшем пункте приема стеклотары.

– Пожалуйста, – добродушно растянул один.

Второй опасливо покосился на старушку и бросил бутылку в траву.

– Я вам еще покажу, – пообещала женщина, исчезая в кустах.

– Нет, ты видел? Вот наглая!

– А-а, – отмахнулся тот, что забросил бутылку, – ну, что там у тебя?

– Читал на днях про нашего соотечественника, который купил акции Индийской железнодорожной компании.

– Акции?

– Да, акции. В момент строительства дороги создавалось акционерное общество, после строительства акции выкупили, за исключением какого-то русского купца, к тому времени благополучно почившего. На акции эти так же идут проценты, вот только держателей их найти не могут.

– Ты предлагаешь выступить в качестве лженаследников?

– Нет.

– Зачем тогда эта бессмысленная история?

– Понимаешь, Лешка, пусть тебе это не покажется смешным, но я хотел бы разбогатеть. Положить вот так сотню долларов в банк и заснуть на тысячу лет, а потом... Ну, что потом, ты понимаешь...

– Я в холодильник не полезу, – обиженно пообещал Лешка.

– И не надо, я, так сказать, хочу зайти с обратной стороны. Ты как считаешь, будет когда-нибудь придумана машина времени?

– Гоша, да она уже есть. Видеомагнитофон называется.

– Понимаешь, какая ерунда? Время, как и большинство величин, имеет числовую прямую, оно стабильно и пропорционально. Мы легко можем перемещаться в прошлое, используя тот же самый магнитофон, но ничего не можем изменить. Так?

– Так, – согласился Лешка.

– Значит, перемещаться в будущее нельзя, но изменить его можно.

– Логично, но неверно. Перемещаться в будущее можно, и мало того, пока ты пил пиво, мы уже переместились на десять минут.

– Не ерничай, я имею в виду быстрое перемещение. А нельзя, потому что будущее легко изменить. В противном случае компьютер уже давно рассчитал наши доходы на сотни лет вперед.

– Как же ты собираешься управлять этим?

– Меня всегда забавлял тот факт, что я не мог представить конца времени, так же как и начала, впрочем. Ведь пользуясь нашей логикой, и у времени, и у пространства должно быть что-то вроде ограничения. Но сколько я ни пытался – у меня ничего не вышло.

– И ты решил? – растянул Лешка.

– Если честно, ничего я не решил. Да мне это и не интересно. Для меня важен принципиальный вопрос: будет ли машина времени? И если будет, то в каком виде? Потому что я намерен устроить телемост со своими потомками.

Лешка прищурился, искоса посмотрел на собеседника и, сделав несколько жевательных движений, сказал:

– Бред какой-то.

– Лешка, но ведь от тебя многого не потребуется: всего-то составить компанию. Если я окажусь прав – будешь богат, если нет – прозорлив.

– Что от меня требуется?

– План мой заключается в следующем: я собираюсь сорвать банк в национальной лотерее. А для этого мне необходимо знать шесть чисел. Если в общих чертах, то, скорее всего, эти шесть чисел мне уже знакомы. Я их уже получил.

– От кого? От наших потомков?

– Разумеется. Потому что скоро я стану богат и расскажу своим наследникам, каким именно способом я разбогател, а они расскажут своим, и это будет продолжаться до тех пор, пока не изобретут машину времени.

– А потом?

– Потом один из прапраправнуков передаст мне эти числа, которые к тому времени наверняка уже будут впечатаны в родовой герб. Но есть одна проблема, я никак не могу понять, где и как мне передадут эту информацию.

– Телефонный звонок? Электронная почта? – спросил Лешка и тут же ответил сам. – Понятно. Обычную почту ты наверняка так же отвергаешь. А как насчет радио?

– Видишь ли, Лешка, я предположил, что, возможно, со временем технология позволит путешествовать внутри сознания. Ведь не секрет, что многие человеческие возможности и знания фантастичны. Однако подсознание стоит на страже этих ресурсов, запрещая ими пользо-

ваться или ограничивая доступ. Во многих учениях можно найти и описание третьего глаза и Будды, который спит и видит сны. Я же предлагаю приподнять завесу и всего-то посмотреть на шесть номеров.

– Лоботомия? – испугался Лешка.

– Нет, алкоголь. Я предлагаю напиться до поросычьего визга, и наверняка нам что-то откроется.

– Так с этого и надо было начинать, – воодушевился Лешка. – Когда начнем?

– Немедленно.

Молодые люди покинули засыпанную прошлогодней листвой скамейку и, подойдя к ликероводочному магазину, долго обсуждали степень горючести различных продуктов. Того, кто излагал свою идею, звали Игорь Сурков. Он работал программистом в вычислительном центре, и, пользуясь этим преимуществом, Сурков настоял на том, чтобы купить энное количество водки и энное, умноженное на три, количество пива. По дороге к себе он приобрел два билета лотереи, один из которых тут же порвал. Сурков объяснил это тем, что не хочет напрягать потомков лишней работой, а, как известно, за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймашь. Лешка согласился с доводами приятеля, но заметил, что лучше было бы сдать билет обратно. Сурков и слушать не хотел про то, чтобы экономить на стоимости билета за неделю до того, как он станет миллионером.

Его уверенность быстро передалась другу, ему не терпелось приступить к началу эксперимента, и Лешка всячески поторапливал.

– Нам некуда спешить, – сказал Сурков. – Раз мы играем в кошки-мышки со временем, значит, его имеем.

– Не знаю, что ты хотел этим сказать, но мне тут в голову пришла одна тревожная мысль: а если в дальнейшем кто-то догадается об этом еще?

– Ну и что?

– Не боишься конкурентов?

– А с какой стати?

– Ну, например, кто-то поймет, как мы разбогатели, и начнет вырубать всех твоих родственников до тех пор, пока ты снова не станешь нищим.

Слово «нищим» Лешка сказал с презрением, дав понять, что оно никоим образом не относится к нему.

– Ну, во-первых, ты еще не разбогател, – сказал Сурков, сделав ударение на «ты». – А во-вторых, в прошлом ничего изменить нельзя.

– Тогда как же твои родственники изменят свое прошлое?

– А они не будут его менять. Я действительно разбогатею, они только передадут мне послание, вот и все.

– У меня плохое предчувствие, – сказал Лешка. Он поставил в прихожей Суркова звякающую авоську, осмотрел ее внимательно и повторил:

– У меня плохое предчувствие.

– Да будет тебе, – постарался подбодрить Сурков, – давай для храбрости!

После первой стопки оптимизма прибавилось. Лешка порозовел, как поросенок, стал подшучивать и похрюкивать.

– Подожди, – прервал его Сурков. – Мы с тобой упустили одну очень важную деталь: не определили степень кондиции.

– А зачем?

– Как – зачем?! – возмутился Сурков. – Мы еще не напились, а ты уже хрюкаешь, как свинья.

– Да, – Лешка озабоченно почесал затылок. – Есть один надежный способ. Но для этого нужна женщина, да не простая, а страшная. Надо посадить ее здесь, и как только мне ее захочется, значит, я дошел до кондиции.

– Ну, это не проблема, – сказал Сурков, – только клеить страшных женщин в трезвом виде неприлично, поэтому предлагаю выпить.

После первой бутылки желание идти за страшными женщинами окрепло. Друзья вышли на улицу и направились вдоль дороги, рассматривая представительниц прекрасного пола. Как назло, страшных среди них не попадалось. Тогда Лешка предложил идти к городскому парку, он знал одно место, где было много женщин, причем на любой вкус, а так как считал себя обладателем изысканного, то легко бы мог найти себе подружку не по вкусу. Но это был просто не Лешкин день, и женщин не по вкусу он там не обнаружил.

– Вот так бы всегда, а то, на кого ни помотришь – крокодил. Но сегодня просто праздник какой-то.

Когда друзья совсем отчаялись, Сурков увидел на остановке то, что они искали. Это была небольшого роста и неопределенного возраста девушка, настолько страшная, что Лешка шепотом предупредил:

– Я столько не выпью.

– Надо, – приказал Сурков и подтолкнул его вперед.

Лешка подошел к девушке и стал напрягать синапсы головного мозга, соображая, что же в таких случаях сказать. Наконец, поняв, что сказать ничего нельзя, а можно только сделать, он произнес:

– Девушка, одолжите пистолет.

– Вам надолго? – спросила девушка, протягивая «Макаров» рукояткой вперед.

– Нет, только застрелиться.

– Тогда быстрее: сейчас подойдет мой автобус.

Лешка прислонил вороненый ствол к виску и почувствовал, какой он холодный, что тут же подействовало отрезвляюще.

– Разве вы не видите, девушка? – вмешался Сурков. – Молодой человек в вас влюблен, да так сильно, что готов с жизнью расстаться.

– Как все запущено, – сказала дама.

– Неужели такой благородный порыв не вызвал в вас ответных чувств?

– Вот еще! – напряглась девушка. Очевидно, с ней никто так не разговаривал и она не понимала, чего же от нее хотят. – У твоего друга крыша едет, а ты – чувства.

– Уверяю вас, девушка, он очень хороший человек.

– Да что ты все за него говоришь? Он у тебя немой?

– Он оглох от любви, – поэтично произнес Сурков. – Ничего не видит и не слышит.

– Везет мне на калек, – вздохнула девушка. – Звать его хоть как?

– Алексей Людмирский, а меня – Игорь Сурков.

– А короче?

– Меня Гоша, его Леха.

– А меня Эля.

– Эля? – зачем-то переспросил Сурков. – А более официально?

– Эльза Appetитовна.

«Безобразная Эльза», – подумал Сурков и тут же устыдился своей мысли.

– Эльза Appetитовна, а не пойти ли нам ко мне и не выпить ли по бутылочке пивка?

– Лучше водки, – рассудительно сказала Эльза.

– Сказано – сделано, – наконец произнес Людмирский.

– Э-э! – Эльза отвела в сторону ствол пистолета, которым Лешка раскачивал из стороны в сторону, – он у тебя действительно чокнутый.

Она решительно отобрала оружие и сунула его за пояс так привычно, словно проделала это с авторучкой.

– Показывай, Дон Жуан, свои хоромы, – обратилась она к Суркову.

Сурков обнял одной рукой Эльзу, другой – Людмирского и увлек обоих дальше от остановки, на которой уже давно поглядывали в сторону Суркова, Людмирского и Эльзы.

* * *

Сурков твердо решил, что будет выкуривать по одной сигарете после каждой бутылки пива. Когда сигареты закончились, он понял, что неверно составил пропорцию, так как пиво кончилось, а водка еще оставалась, даже несмотря на то, что Эльза налегала на бутылку не хуже Людмирского и Суркова вместе взятых.

«А еще говорят, слабый пол», – подумал Сурков, и, к его удивлению, пол наклонился и больно прижал лицо.

«Обиделся», – пронеслось в голове у Суркова. Он стоял, боясь пошевелиться, опасаясь очередной агрессии со стороны пола. Дышать было тяжело, но Сурков терпел. Простояв так несколько часов, он задремал. Когда Сурков открыл глаза, все было на своих местах, пол, как и положено, был внизу, а Сурков – по всем законам физики – сверху. Однако утро было каким-то необычным. За окном шел противный дождь, а мысли, словно мухи, летали вокруг головы нагло и беспорядочно. Даже если какая-то и залетала в голову, то приносила только дискомфорт и разочарование.

Сурков поставил на плиту турку, и пока вода закипала, попытался вспомнить, чем закончился вчерашний вечер. Кофе закипел неожиданно быстро. Сурков читал об этом в каком-то романе у Жюль Верна, но оказалось, что это всего лишь храп Людмирского, который нагло спит в кровати Суркова.

– Вставай, урод, – тихо сказал Сурков.

Пришлось повторить трижды, прежде чем Лешка сменил тональность и перешел из храпа в свист.

– Встать! Суд идет! – закричал Сурков на ухо Людмирскому.

Людмирский лежа вытянулся по стойке смирно и открыл один глаз:

– Где?

– Что? – не понял Сурков.

– Эльза.

– Тебе лучше знать.

– Я не помню, она меня споила и бросила, – Людмирский, кряхтя, поднялся. – Кофеём пахнет.

– Черт возьми, – Сурков кинулся на кухню, где кофе уже плясал по плите.

Он зачем-то ударил темную кляксу мухобойкой и вылил остатки в чашку. Налив в турку воды поменьше, снова поставил ее на огонь.

– Зачем мы ее притащили? – спросил Людмирский, очень похожий на доброго льва с растрепанной гривой.

– По-моему, это была твоя идея.

– Да? – не поверил Людмирский. – А билет мы заполнили?

– Билет. Как же я забыл?! – хлопнул себя по лбу Сурков.

Он стал судорожно выворачивать карманы, перебирать старые газеты и копаться в мусорном ведре. Билета нигде не оказалось.

– Эльза утатила, – предположил Людмирский.

– Ты теперь будешь ее винить во всех грехах?

– С чего бы это?

Сурков ехидно улыбнулся.

– Нет, нет, Гоша.

– Да, ладно, Лешка, мы с тобой взрослые люди.

Сурков перешел к журналам, затем к библиотеке, перетряхивая книги. Он заглядывал в такие места, куда билет не мог поместиться физически, пока вопль Людмирского не прервал его.

– Что, что случилось? – спросил Сурков, влетев в ванную комнату.

Людмирский стоял совершенно обескураженный. Он смотрел прозрачным взглядом на зеркало, по которому аккуратным каллиграфическим почерком красная помада вывела короткую надпись:

«Позвони мне, любовничек, 324-17-85».

– Фух, я уж думал, ты привидение увидел.

– Гоша, она написала «любовничек»!

– Ну и что? Откуда ты знаешь, что это она тебе написала?

– А кому? – отвесил челюсть Людмирский.

– Вообще-то, это моя ванная и квартира моя. Не улавливаешь мысль?

– Ты? – изумился Людмирский.

– А что? – Сурков решил, что маленькая ложь меньшее зло, нежели на протяжении нескольких недель слушать воспоминания Людмирского о встрече с Эльзой.

– Да нет, ничего, – Людмирский повеселел и даже покрылся легким румянцем.

– Ну, как говорится, шутки шутками, а утки утками. Ты билет не нашел?

– Пока нет, – ответил Людмирский, с опаской заглядывая в унитаз.

Молодые люди продолжили поиск, переворачивая все вверх дном. Через два часа поисков билет все же нашелся. Он находился под самым центром паласа. Выяснить, кто и как его туда засунул, не представлялось возможным, но самое неприятное: билет был девственно чист.

Глава 2

– Давай рассуждать логически, – рассуждал Сурков. – Мы собирались узнать шесть номеров и получить эту информацию от наших потомков. Возможно, мы ее получили, но не придали этому значения. Лично я с трудом вспоминаю минувшие события. А ты?

Людмирский потупил глаза и шаркнул ножкой.

– Сколько мы выпили?

– Разве ж я помню.

– Сколько потратили?

– Это бесполезно, Лешка. Я каждый день что-нибудь покупаю, к тому же, когда мы покупали водку, я был еще трезвый.

– А что, по-твоему, может служить сигналом?

– Какое-то необычное, и в то же время заурядное событие, которое могло произойти, а могло и не произойти.

Людмирский почесал затылок, но это никак не сказалось на его умственных способностях. Он почесал лоб, но и это не помогло.

– Может... – начал было Людмирский после нескольких минут напряженного молчания.

– Ну, хватит, – прервал его Сурков.

– Мне надо убраться, смотри, какой кавардак. Давай проваливай, а вечером увидимся и обсудим идеи.

Сурков выпроводил упирающегося Людмирского и стал приводить в порядок свое жилище. Он разложил по местам разбросанные вещи, пропылесосил палас и вытер пыль, что делал крайне редко. Когда он добрался до ванной, то снова увидел надпись на зеркале. Сурков взял лежавшую на раковине губку и поднес к стеклу: неожиданная мысль пронзила его, словно удар током. Сурков бросил губку и, войдя в комнату, стал быстро ходить, нарезая круги и наслаждаясь моментом, когда решение сложной задачи приходит само собой.

Людмирский старался не смотреть на Эльзу, опуская глаза каждый раз, как только взгляды пересекались. Сурков настоял на встрече с Эльзой, так как ее персону, по его рассуждению, становилась ключевой.

– Итак, Эльза, мы хотим знать, кто ты? Откуда ты взялась? Почему оказалась именно там, где сейчас находишься? Почему у тебя такой номер телефона?

– Да. И откуда у тебя нарезное оружие? – вставил Людмирский.

Эльза сделала глубокую затяжку и прищурилась то ли от дыма сигареты, то ли от своих рассуждений. Было похоже, что она не собирается отвечать на дурацкие вопросы, и в голове ее сражаются два варианта: уйти сейчас или чуть позже. Леня победила, и Эльза хрипловатым голосом попросила:

– Закажите мне «Хеннеси».

– Пеноси мы тебе закажем, – не выдержал Людмирский.

– Так, так! Оба замолчали! Говорю я, я здесь главный, я скоро стану миллионером, а кто не хочет ко мне присоединиться – пошли вон.

За столиком тут же стало тихо.

– Слышь, миллионер, закажи мне «Хеннеси».

– Девушка, – Сурков подозвал официантку в цветастом переднике, – принесите сто граммов водки.

– Какой? – спросила подошедшая официантка.

– Самой дешевой.

Эльза недовольно поморщилась.

– Боже мой, с кем приходится работать! – процедил Сурков.

После ста граммов разговор пошел быстрее. Сурков сделал еще два заказа и практически уверился в том, что Эльза – посредник между будущим и настоящим. Он не сомневался, что Эльзу разыгрывали вслепую, подобрав по номеру телефона и подсунув Суркову в самый подходящий момент. Однако информация была неполной, и оставалось либо многое выяснить, либо до многого додуматься. Во-первых, номер телефона имел семь простых и натуральных цифр, из которых предстояло составить шесть чисел. Каким образом необходимо использовать разделители, Сурков не знал, и обсуждение этого не принесло никакого результата.

Людмирский предлагал использовать пять цифр самостоятельно как 3, 2, 4, 8 и 5. Число 17 он считал отделенным и тоже самостоятельным. Аргументы по поводу того, что последовательность «2, 3, 4, 5» невероятно редка, не оказывали никакого воздействия.

Эльза считала, что ее телефон скорее содержит числовой ряд из 3, 24, 17, 8, 5, а шестое число необходимо получить сложением всех вместе. Посчитав на салфетке результат, она изменила мнение, сказав, что это число десять, то есть результат суммы последней цифры с количеством данных.

– Поступим, как советует Эльза, – сказал Сурков.

– Почему? – возмутился Людмирский.

– Потому что она посредник.

– А ты – толстый, – хихикнула Эльза.

– Молчать, – приказал Сурков. – Есть еще две новости. И обе они гораздо важнее ваших склок. С какой начать, с плохой или с хорошей?

– Начни с хорошей, – сказала Эльза.

– Я – гениален.

– А хорошая новость? – спросил Людмирский.

– Хорошие новости кончились.

– Ничего себе денек, – возмутилась Эльза.

– Теперь о грустном. Моя гениальность – залог нашего успеха, однако этого мало. Необходимы решительные действия с нашей стороны, чтобы сломать реальность. Я долго думал, почему наш эксперимент не удался, и пришел к выводу, что ошибся в самом начале. Будущее действительно нельзя изменить. Это как река, текущая по руслу: если она устремилась по выбранному пути, то помешать этому невозможно.

– Но... – вставил Людмирский.

– Никаких «но». Взять, к примеру, луч света. Зная скорость и направление, мы с точностью до миллиметра можем определить, где он окажется через год. Наше будущее так же закономерно. Не настолько точно и безупречно, но уверяю вас, что уже в первом классе я предполагал, кем станут мои одноклассники через десять лет. Возможно, что не тех из них посадили, не те спились и не те уехали в Израиль, но в большинстве своем прогнозы мои сбылись, и в этом нет ничего удивительного. Не надо быть провидцем, чтобы предположить, чем вы будете заниматься завтра.

Людмирский и Эльза переглянулись. При этом по их лицам пробежали следы внутренней борьбы.

– Вот видите, – сказал Сурков, – вы и сами делаете прогнозы. Однако глупо делать глупые прогнозы. Или помните поговорку: деньги к деньгам?

– У тебя нет денег, – вставила Эльза.

– Вот именно, – воодушевился Сурков. – У меня пока нет денег, и это надо исправить.

– Вариант с ограблением сберкассы еще рассматривается? – спросил Людмирский.

– И не только сберкассы. Вы слышали о том, что Госстрах уже не является монополистом, а у Госбанка появляются конкуренты? Существует первая букмекерская контора и так далее.

– «Так далее» звучит конкретнее предыдущего, – заметила Эльза.

– Суть моего предложения сводится к следующему: во-первых, необходимо помочь нашим потомкам, так сказать, обозначить мою фигуру – сделать так, чтобы она стала известной и в обозримом, и в отдаленном будущем. Например, заголовками в газетах: «Забавы отечественных миллионеров! Господин Сурков подарил дому инвалидов болид класса „Формула-1“». Или: «Молодой миллионер решает стать первым космическим туристом». А во-вторых, обезопасить моих наследников, ведь если я стану миллионером, они ничем не будут рисковать, сообщая мне шесть номеров – я-то им уже стал.

– Стоп, стоп, стоп, – замотал головой Людмирский, – нестыковочка. Если ты и так им станешь, зачем весь сыр-бор?

– А я лично сомневаюсь, что ты на свой лимон на околоземную орбиту выйдешь, – закачала глаза Эльза.

– Отвечаю по порядку, – сказал Сурков. – Я стану миллионером в кредит, так сказать, заранее. Что касается космонавтики – это верно, на полет мне денег не хватит, а на статью в газете – вполне.

– У тебя есть план, Гоша?

– Есть, – согласился Сурков, – и он очень прост. Мне необходимо взять по кредиту в каждом банке, застраховаться во всех страховых компаниях и постоянно давать интервью на телевидении и радио о том, как мне повезло выиграть в Национальную лотерею.

– Гениально, – похвалил Людмирский, – а отдавать чем будешь?

– Что за вопрос, Лешка? Выиграю и отдам.

* * *

Мелодично булькнул дверной звонок. Сурков открыл дверь и увидел Людмирского в смокинге и бабочке.

– Взял на прокат, – пояснил он.

– Тебе идет. Только я предпочитаю белый.

– Белых не было, да их, скорее всего, и не прокатывают.

– Не практично?

– Наверняка. Эльза здесь? – Людмирский извлек две бутылки шампанского.

– Нет еще.

– Тогда спрячь, а то все вылакает, не успеешь оглянуться.

– Я в холодильник поставлю.

– Я же сказал – спрячь, – настаивал Сурков.

– Знаешь что, тогда сам.

Людмирский закрылся в ванной, пустил воду и долго гремел фаянсом. После чего появился с закатанными рукавами:

– Да, я понял, почему белых смокингов в прокате нет.

Он достал закатанную в целлофан сигару и долго крутил ее в руках, гадая, с какой стороны откусить. Лешка устроился в кресле перед телевизором и стал пускать кольца в потолок.

Эльза опоздала на две минуты. Она успела покрутиться перед зеркалом, прежде чем проскочила в комнату. Передача уже началась, но еще долго крутили рекламу офицерских часов, и ведущий говорил приветственные слова, обещая золотые горы и рай на Земле, когда по проволочному желобу покатился шар с номером.

* * *

Прошло два месяца, за которые Сурков успел взять и потратить полдюжины кредитов, однако выигрыш в лотерею не случился. Интервью, статьи, имиджевые издержки в виде аренды автомобиля с водителем делали дальнейшую отсрочку по выигрышу невозможной.

Сурков направлялся в дом престарелых, где собирался развлечь постояльцев рассказом, как ему повезло, когда его «мерседес» остановился на заправочной станции. Молодой человек достал пачку сигарет и вытряс из нее последнюю.

– Здесь не курят, – сказала Эльза.

– Я знаю, – ответил Сурков и чиркнул зажигалкой.

Зажигалка изрыгнула струйку искр, которая занялась голубым конусом пламени, быстро сошедшим на нет. Сурков сделал еще несколько неудачных попыток добыть огонь, но пламя не появлялось.

– Проклятье, – выругался Сурков и толкнул тяжелую дверь. – Эй, парень, огоньку не найдется?

Проходивший мимо машины заправщик угрюмо показал на вывеску, где было написано: «Минздрав предупреждает: курение очень, очень опасно!» Сурков уже собирался хлопнуть дверью, но появившийся водитель сделал серию жестов руками.

– Что? – спросил Сурков.

– Эта карточка аннулирована, – водитель показал прямоугольник картона с темной полоской.

– Ну и что?

– Ничего, бензин здесь бесплатно не заливают.

– А ты не мог бы кормить свою скотину экономнее?

– Я-то могу, но вот захочет ли она ехать?

– Поехали, – скомандовал Сурков. – Заправимся в городе.

Плану Суркова не суждено было сбыться. «Мерседес» с омерзительной немецкой пунктуальностью заглох, как только кончился бензин, едва не докатившись до столбика с отметкой семнадцатого километра. Суркову и Эльзе ничего не оставалось делать, как бросить разгневанного водителя и ехать автостопом. Дальнбойщики не желали притормаживать возле молодой женщины в деловом костюме и мужчины с бабочкой и в смокинге, а легковушки ломали плату, которой у Суркова не было.

– Хорошо, что мы не взяли Людмирского, – сказала Эльза. – Он бы изнылся до головной боли.

– Перестань, – возразил Сурков, – Лешка – хороший парень.

– Хороший, – согласилась Эльза, – только сволочь.

– Какая муха между вами пролетела?

Сурков развязал бабочку и, кинув через плечо смокинг, зашагал по обочине. Он не делал попыток остановить машину и поэтому удивился, увидев сдающую задом красную «девятку».

– Игорь Сурков? – спросила девушка через опущенное стекло.

– Никак нет! – крикнул Сурков.

– Не скромничайте, это вы.

– Нет, не я, – упрямылся Сурков.

– Ну, хорошо, хорошо. Позвольте вас подвезти.

Сурков демонстративно открыл переднюю дверь, приглашая Эльзу сесть.

– Здравствуйте, – сказала Эльза, уловив мысль Суркова. – Меня зовут Эльза, а вас?

Женщина-водитель собралась было обидеться, что ей подсунили для разговора безобразную Эльзу, но, зацепившись языком за собеседницу, провалилась в женскую болтовню. Сурков краем уха улавливал, как дамы обсуждали житейские проблемы, но потихоньку был сморен налетевшим обеденным сном. Напряжение последних дней дало о себе знать: Суркову снился

математический кошмар, в котором он складывал цифры, подбивал индексы и проводил камеральные расчеты, но, как и положено, в кошмаре что-то не складывалось, и Сурков вновь приступал к пересчету. Проснулся он от головной боли, но вызванной не кошмаром, а ударом переднего сидения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.